

Алексей
ТОЛСТОЙ

Князь Серебряный

Князь Серебряный // Эксмо, М., 2007

ISBN: 978-5-699-13907-1

FB2: "shum29 ", 20.11.2008, version 1.0

UUID: 9c9c2934-08f7-102c-8d0d-93418d0056af

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Алексей Константинович Толстой

Из Козьмы Пруткова

Содержание

#1	0005
ЭПИГРАММА № 1	0012
ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА	0013
ИЗ ГЕЙНЕ	0014
ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ	0015
ОСАДА ПАМБЫ	0019
ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК	0022
ИЗ ГЕЙНЕ	0023
ЗВЕЗДА И БРЮХО	0025
К МОЕМУ ПОРТРЕТУ	0029
ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО	0030

**Алексей Константинович
Толстой**

Из Козьмы Пруткова. (Стихи)

Здесь есть мебели из карельской березы, семеро детей мал мала меньше, красивая гувернантка, гувернер малого размера, беззаботный отец семейства, бранящий всех и все наподобие тебя, брат его с поваром, готовящие всякий день какие-нибудь новые кушанья, диакон *bon vivant* [1], краснеющий поп, конторщики с усами разных цветов, добрый управитель и злая управительница, скрывающаяся постоянно в своем терему, снигири, подорожники, сороки, волки, похищающие свиней среди бела дня на самом селе, весьма красивые крестьянки, более или менее плутоватые приказчики, рябые и с чистыми лицами, колокол в два пуда, обои, представляющие Венеру на синем фоне с звездами, баня, павлины, индейки, знахари, старухи, слывущие ведьмами, кладбище в сосновом лесу с ледяными сосульками, утром солнце, печи, с треском освещающие комнату, старый истопник Павел, бывший прежде молодым человеком, кобзари, слепые, старый настройщик фортепьянов, поющий «Хвала, хвала тебе, герой» [2] и «Славься сим, Екате-

рина» [3] и «Mon coeur n'est pas pour vous, car il est pour un autre» [4]. Источник цитаты не установлен.», экипаж, называющийся беда на колесах, другой, кажется, называющийся ферзик, старинная карета Елисавет Петровны, крысы, горностаи, ласочки, волчьи ямы, ветчина, щипцы, ночник, вареники, наливка, Семеновка, маленькие ширмы, балконы, 500 луковиц цветочных, старые тетради, Андрейка и чернослив, пляшущие медведи, числом четыре, очень старая коровница, пол из некрашенных сосновых досок, Улинский (?), Гапки, Оксаны, Ганны, Домахи, пьяные столяры, таковые же башмачники, загоны в лесу, пасеки, бисер, вилочки, экраны, сбруя медная, серые лошади, мед в кадках, землемеры, заячьи следы, два пошире, а два поменьше, бортовая ель перед церковью, Тополевка с Заикевичем, свиньи на улицах, огород с прутиками, означающими четыре стороны света, волшебный фонарь, курицы, моченые яблоки, сумерки с постепенно замирающими сельскими звуками, вдали выстрелы, собачий лай, ночью петухи, ни с того ни с другого кричащие во все горло, пасмурные дни, изморозь, иней на деревьях,

внезапно показывающееся солнце, два старых турецких пистолета, рабочие столики, чай на длинном столе, игра в кольцо, которое повешено на палочке и которое надлежит за- деть за крючок, вбитый в стену, сушеные ка- раси, клюква, преждевременно рождающиеся младенцы, к невероятному удивлению их от- цов, кн. Голицын, брат Павла, живущий в тридцати верстах, наступающий праздник Рождества, литографическая машина, совер- шенно испорченный орган, также испорчен- ный, сумасшедший механик, множество мух, оживших от теплоты. Множество старых ка- лендарей, начиная от 1824 года, биллиард, стоящий в кладовой и вовсе не годный к упо- треблению, сухие просвиры, живописные пригорки, песчаные, поросшие сосником, чу- маки с обозами, вечерницы, мельницы, сук- новальни, старый фонарь, старые картузы, модели молотильных машин, портрет кн. Ко- чубея, портрет графини Канкриной, рапиры, трости из бамбука, курильница в виде древ- ней вазы, алебастровая лампа, старая дробь, огромный диван с двумя шкапчиками, два мохнатых щенка, сушеные зайцы, клетка без

птиц и разбитое кругленькое зеркало, – приезжай, Николаюшка, и все увидишь собственными глазами.

Очень прошу тебя устроить, чтобы редакция «Русского вестника» прислала мне журналы: Черниговской губернии, Стародубского уезда, на станцию Елёнку.

А. К. Толстой – Н. М. Жемчужникову [5]

Конец ноября – начало декабря 1858 г. Погорельцы

* * *

...Жемчужников был не менее Григоровича изящен, душист, свеж и бодр, несмотря на всю слабость здоровья. Я бывал у него довольно часто, и меня поражала его неизменная ласковость ко мне, чисто отеческая заботливость к каждому стихотворению, которое я печатал при его содействии в «Вестнике Европы».

Он подарил мне «Кузьму Пруткова» и рассказал происхождение этой книги:

– Мы – я и Алексей Константинович Толстой – были тогда молоды и непристойно проказливы. Жили вместе и каждый день сочиняли по какой-нибудь глупости в стихах. По-

том решили собрать и издать эти глупости, приписав их нашему камердинеру Кузьме Пруткову, и так и сделали, и что же вышло? Обидели старика так, что он не мог простить нам этой шутки до самой смерти! Хотели мило пошутить, а обидели кровно...

И. А. Бунин

...Репортер одной из газет задал Алексею Михайловичу Жемчужникову [6] вопрос:– Чем вы объясняете эту изумительную популярность, которую приобрели все ваши шутки, афоризмы и пр., подписанные псевдонимом «Кузьма Прутков»? – Да как вам сказать? Думаю потому, что все наши шутки носили на себе незлобивый характер, смеялись мы искренно, личностей не задевали. Алеша (гр. А. Толстой) был парень очень остроумный, брат Володя тоже... бывало, иной раз оба они начнут острить, так ведь откуда что берется? Так и сыплют, так и сыплют островами. В книжке нашей, которую мы выпустили, наверно, десятой доли не собрано тех остроумий, которые на своем веку изрекли они оба. Это прямо-таки был фонтан остроумия; бывало, говоришь им: «да заткни фонтан, дай ему от-

дохнуть», а они еще больше, еще больше... Да, родной мой!.. – вздохнул наш собеседник: – чудное было время, невозвратное время...

...Когда мы уже все написали, мы не знали, каким псевдонимом подписать эту общую нашу пьесу. Служил у нас тогда камердинером Кузьма Фролов, прекрасный старик, мы все его очень любили. Вот мы с братом Владимиром и говорим ему: «Знаешь что, Кузьма, мы написали книжку, а ты дай нам для этой книжки свое имя, как будто ты ее сочинил... А все, что мы выручим от продажи этой книжки, мы отдадим тебе». Он согласился. «Что ж, говорит, я, пожалуй, согласен, если вы так очинно желаете... А только, говорит, дозвольте вас, господа, спросить: книга-то умная аль нет?» Мы все так и прыснули со смеха. «О, нет! говорим: книга глупая, преглупая». Смотрим, наш Кузьма нахмурился. «А коли, говорит, книга глупая, так я, говорит, не желаю, чтобы мое имя под ей было подписано. Не надо мне, говорит, и денег ваших»... А? Как вам это понравится? Когда брат Алексей (гр. А. Толстой) услышал этот ответ Кузьмы, так он чуть не умер от хохота и подарил ему 50 руб.

«На, говорит, это тебе за остроумие». Ну, вот мы тогда втроем и порешили взять себе псевдоним не Кузьмы Фролова, а Кузьмы Пруткова. С тех пор мы и начали писать всякие шутки, стишки, афоризмы под одним общим псевдонимом Кузьмы Пруткова.

Вот вам и происхождение нашего псевдонима...

ЭПИГРАММА № 1

*«Вы любите ли сыр?» – спросили
раз ханжу,
Люблю, – он отвечал, – я вкус в
нем нахожу.*

1⁸⁵⁴

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА

Греческое стихотворение

Я недавно приехал в Коринф...
Вот ступени, а вот колоннада!
Я люблю здешних мраморных
нимф
И истмийского шум водопада!

Целый день я на солнце сижу,
Трусь елеем вокруг поясницы,
Между камней паросских слезу
За извивом слепой медяницы;

Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я;
Дорог мне возделенный покой,
«Красота, красота!» – все твержу
я...

1854

ИЗ ГЕЙНЕ

*Вянет лист, проходит лето,
Иней серебрится.
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.*

*Погоди, безумный! снова
Зелень оживится...
Юнкер Шмидт! Честное слово,
Лето возвратится.*

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

*Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура!*

*Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.*

*Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколаду.*

*Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна.*

*За двумя решетками
Пусть меня клянет,
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.*

Слышу на балконе

Шорох платья... чу!
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница,
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!

О сеньора милая!
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальере.

Здесь, перед бананами, —
Если не наскучу, —
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

И на этом месте,
Если вы мне рады, —
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире,

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьяле...

Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура

1⁸⁵⁴

* * *

Подражание Гейне

На взморье, у самой заставы,
Я видел большой огород:
Растет там высокая спаржа,
Капуста там скромно растет.

Там утром всегда огородник
Лениво проходит меж гряд;
На нем неопрятный передник,
Угрюм его пасмурный взгляд.

Польет он из лейки капусту,
Он спаржу небрежно польет,
Нарежет зеленого луку
И после глубоко вздохнет.

Намедни к нему подъезжает
Чиновник на тройке лихой;
Он в теплых высоких галошах,
На шее лорнет золотой.

«Где дочка твоя?» – вопрошает
Чиновник на тройке лихой;
Он в теплых, высоких галошах,
На шее лорнет золотой.

«Где дочка твоя?» – вопрошает
Чиновник, прищурясь в лорнет;
Но, дико взглянув, огородник
Махнул лишь рукою в ответ.

И тройка назад поскакала,
Сметая с капусты росу;
Стоит огородник угрюмо
И пальцем копает в носу.

ОСАДА ПАМБЫ

Романсеро с испанского

*Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванию: Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаюсь.*

*И все войско дона Педра —
Девять тысяч кастильянцев —
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко...*

*Всякий день они слабеют,
Силы тратя попустому,
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,
Закрываясь епанчою.*

*Настает уж год десятый, —
Злые мавры торжествуют,
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек!*

Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим!

Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами данного обета:
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»

Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев,
Все, качаясь на седлах,
В голос слабо закричали:
«Sancto Jago Compostello![7]
Честь и слава дону Педру!
Честь и слава Льву Кастильи!»

А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
«Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,

*Запивая сантуринским!»
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана —
Он изрядно подшутил!»*

1854

ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

*Люблю тебя, дева, когда золоти-
стый
И солнцем облитый ты держишь
лимон,
И юноши зрю подбородок пуши-
стый
Меж листьев аканфа и белых ко-
лонн!*

*Красивой хламиды тяжелые
складки
Упали одна за другой:
Так в улье шумящем вокруг ране-
ной матки
Снует озабоченный рой.*

ИЗ ГЕЙНЕ

*Фриц Вагнер, студьозус из Иены,
Из Бонна Иеронимус Кох
Вошли в кабинет мой с азар-
том, —
Вошли, не очистив сапог.*

*«Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней, Кох или Ваг-
нер?» —
Спросили с бряцанием шпор.*

*«Друзья! Вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил.
Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил».*

*Ответом моим недовольны,
«Решай поскорее наш спор!» —
Они повторяли с азартом
И с тем же бряцанием шпор.*

*Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен,
«Мне нравятся очень обои « —
Сказал им и выбежал вон.*

*Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.*

1⁸⁵⁴

ЗВЕЗДА И БРЮХО

Басня

На небе вечерком светилася
Звезда.
Был постный день тогда:
Быть может, пятница, быть мо-
жет, среда.
В то время по саду гуляло чье-то
Брюхо
И рассуждало так с собой,
Бурча и жалобно и глухо:
«Какой
Хозяин мой
Противный и несносный!
Затем что день сегодня постный,
Не станет есть, мошенник, до
звезды!
Не только есть! Куды!
Не выпьет и ковша воды!
Нет, право, с ним наш брат не
сладит...
Знай бродит по саду, ханжа,
На мне ладони положа...
Совсем не кормит, – только гла-
дит!»
Меж тем ночная тень мрачней

кругом легла.

Звезда, прищурившись, глядит на
край окольный:

То спрячется за колокольней,
То выглянет из-за угла,
То вспыхнет ярче, то сожмется...
Над животом исподтишка сме-
ется.

Вдруг Брюху ту Звезду случилось
увидать,

Ан хватать!

Она уж кубарем несется

С небес долой

Вниз головой

И падает, не удержав полета,

Куда ж? в болото!

Как Брюху быть! кричит: ахти да
ах!

И ну ругать Звезду в сердцах!

Но делать нечего! другой не ока-
залось...

И Брюхо, сколько ни ругалось,

Осталось

Хоть вечером, а натоцах.

Читатель! басня эта

Нас учит не давать без крайно-
сти обета

Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет —
Я говорю тебе из дружбы —
Спасайся! слова нет!
Но главное: не отставай от
службы!
Начальство, день и ночь пекуще-
есь о нас,
Коли сумеешь ты прийти к нему
по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого
Станислава.
Из смертных не один уж в жизни
испытал,
Как награждают нрав почти-
тельный
и скромный.
Тогда в день постный, в день ско-
ромный,
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым ду-
хом,
И с сытым брюхом,
Ибо кто ж запретит тебе всегда,

*езде
Быть при звезде?*

1854

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

(Который будет издан вскоре при полном собрании моих сочинений)

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг; [8]
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке,
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке, —
Знай, — это я!
Кого язвят со злостью, вечно новой
Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет;
Кто ни пред кем спины не клонит гибкой, —
Знай — это я:
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!..

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

(Как будто из Гейне)

Помню я тебя ребенком, —
Скоро будет сорок лет! —
Твой передничек измятый,
Твой затянутый корсет...

Было так тебе неловко!..
Ты сказала мне тайком:
«Распусти корсет мне сзади, —
Не могу я бегать в нем!»

Весь исполненный волненья,
Я корсет твой развязал, —
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял...

1860

* * *

В борьбе суровой с жизнью душевной
Мне любо сердцем отдохнуть,
Смотреть, как зреет хлеб насущ-
ный
Иль как мостят широкий путь.

Уму легко, душе отрадно,

Когда увесистый, громадный,
Блестящий искрами гранит
В куски под молотом летит!

Люблю подчас подсесть к стару-
хам,
Смотреть на их простую ткань,
Люблю я слушать русским ухом
На сходках уличную брань!

Вот собрались. – Эй, ты, не меш-
кай!

– Да ты-то что ж? Небось устал!

– А где Ермил? – Ушел с тележ-
кой!

– Эх, чтоб его! – Да чтоб провал...!

– Где тут провал? – Вот я те, ле-
ший!

– Куда полез? Знай, благо пеший!

– А где зипун? – Какой зипун?

– А мой. – Как твой? – Эх, старый
лгун?

– Смотри задавят! – Тише, тише!

– Бревно несут! – Эй вы, на крыше!

– Вороны! – Митька! Амелян!

– Слепой! – Свинья! – Дурак! – Бол-
ван!

И все друг друга с криком вящим
Язвят в колене восходящем.

Ну, что же, родные?
Довольно ругаться!
Пора нам за дело
Благое приняться!
Подымаемте дружно
Чугунную бабу!

Всё будет досужно,
Лишь песня была бы!
Вот дуются жилы,
Знать, чуют работу!
И сколько тут силы!
И сколько тут поту!
На славу терпенье,
А нега на сором!

И дружное пенье
Вдруг грянуло хором:
«Как на сытном-то на рынке
Утонула баба в крынке,
Звали Мишку на поминки,
Хоронить ее на рынке,
Ой, дубинушка, да бухни!
Ой, зеленая, сама пойдет!
Да бум!

Да бум!
Да бум!»

Вот поднялась стопудовая баба,
Всё выше, выше, медленно, не
вдруг...

– Тащи, тащи! Эй, Федька, дер-
жишь слабо!

– Тащи еще! – Пускай! – И баба:
бух!

Раздался гул, и, берег потрясая,
На три вершка ушла в трясину
свая!

Эх бабобитье! Всем по нраву!
Вот этак любо работать!
Споем, друзья, еще на славу!

И пенье грянуло опять:
«Как на сытном-то на рынке
Утонула баба в крынке» и пр.
Тащи! Тащи! – Тащи еще, ребята!
Дружней тащи! Еще, и дело взя-
то!

Недаром в нас могучий русский
дух!
Тащи еще! – Пускай! – И баба: бух!
Раздался гул, и, берег потрясая,

*На два вершка ушла в трясину
свая!*

Начало 1860-х гг.

Примечания

1

Человек, любящий пожить в свое удовольствие (франц.).

[^^^]

По-видимому, слова из песни об Отечественной войне 1812 г. См., например, «Гимн, петь на концерте... 7 дня 1814 года» Ф. Иванова, со словами, обращенными к Кутузову: Хвала, хвала тебе, герой! Попран – растерзан галл тобой!

[^^^]

3

Строка из хора «Гром победы, раздавайся...» Г.
Р. Державина.

[^^^]

4

«Мое сердце не для вас, потому что оно для другого» (франц.)

[^^^]

В. М. Жемчужников (1824 – 1909) – двоюродный брат А. К. Толстого, один из создателей Козьмы Пруткова. В письме ярко чувствуется та атмосфера, в которой братья Жемчужниковы и А. К. Толстой создавали произведения Козьмы Пруткова.

[^^^]

6

А. М. Жемчужников (1821 – 1908) – поэт, двоюродный брат А. К. Толстого.

[^^^]

Святой Иаков Компостельский! – Ред.

[^^^]

Вариант: на коем фрак. – Примеч. Козьмы
Пруткова.

[^^^]